

ДАРОВОЕ В ПОЧВЕННОЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Почвенничество Достоевского не ограничивается одним десятилетием. Оно переходит из журналов «Время» и «Эпоха» шестидесятых годов в «Дневник писателя» семидесятых. Это означает, что почвенничество живо во всем зрелом творчестве писателя. Мало того, почвенничество заметнее в семидесятых годах, чем в шестидесятых. Мы выдвигаем гипотезу о постепенном развитии почвенничества в мировоззрении Достоевского.

В связи с этим возникает вопрос: в шестидесятые ли годы Достоевский вдруг стал почвенником? А как обстоит дело в предыдущие десятилетия, например, в пятидесятые годы, проведенные Достоевским на каторге и солдатчине? В поисках ответа на этот вопрос нам нужно обратиться к знаменитому произведению писателя, отразившему тот период его жизни.

В «Записках из Мертвого дома» к почвенничеству может быть отнесена тема о «дворянстве и народе» («интеллигенции и народе»).

«Не то с *благородным*, с дворянином. Как ни будь он справедлив, добр, умен, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное – не поверят ему. Он не друг и не товарищ, и хоть и достигнет он наконец, с годами, того, что его обижать не будут, но все-таки он будет не свой и вечно, мучительно будет сознавать свое отчуждение и одиночество. Это отчуждение делается иногда совсем без злобы со стороны арестантов, а так, бессознательно. Не свой человек, да и только. Ничего нет ужаснее, как жить не в своей среде» (4, 198).

Речь идет о «разъединении» дворянства как высшего сословия с народом, о чем читаем в «Объявлении о подписке на журнал “Время”» на 1861 год. «Разъединению», «распадению» здесь антонимичны «соединение», «согласие», «примирение». Обозначена была и историческая причина национальной драмы. «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. <...> Уже одно нравственное распадение народа с его высшим сословием, с его вожаками и предводителями показывает, какую дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь» (18, 36).

Достоевский глубоко переживал свое «разъединение» с арестантами из народа в те четыре года с лишком в первой половине пятидесятых годов. Выход из «разъединения», «распадения» и обозначен был лексикой противоположного семантического ряда: «соединение», «согласие», «примирение». Ясно, что тут уже имело место то мировоззрение, которое впоследствии получило название почвенничества. Достоевский был

почвенником уже в первой половине пятидесятых годов, за десять лет до «Времени» и «Эпохи».

Но это ли самое первое проявление почвенничества Достоевского? Думаю, что нет.

«Дневник писателя», в частности, «Мужик Марей» позволяет нам соотнести почвенничество с самым ранним периодом жизни – с детством писателя. Не случайно указанный рассказ помещен после параграфа (как его продолжение) «О любви к народу. Необходимый контракт с народом». Для Достоевского «Мужик Марей» представляет собой символ русского простого народа и вместе с тем символ почвенничества.

А «Мужик Марей» необъясним вне породившего его феномена русской деревни. Ни сам рассказ («анекдот», «воспоминание»), ни его заглавный герой (точнее, реальный прототип) немислим без Дарового.

«Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое <...>. Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барчонок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то. <...> Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе» (22, 49).

Здесь преодолено расхождение между «барчонок» и «крепостным», то есть побеждена – без кровопролития – классовая вражда русских людей, дворян и мужиков. Оказывается разрушенной *стена* между «верхним классом» и «почвой» (народом). Именно благодаря этим переживаниям детства кажется нам обоснованным и убедительным почвенничество Достоевского. Без Дарового не было бы всего этого.